ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Pan-Art

2025. Том 5. Выпуск 4 | 2025. Volume 5. Issue 4

ISSN 2949-2386 (online)

Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): pan-art-journal.ru

RU

Роль социальных институтов в функционировании музыкального пласта тюркских народов региона Волго-Каспия: этнокультурный контекст

Усманова А. Р.

Аннотация. Цель исследования – определить на основе научных критериев исследователей смежных наук (социологов, историков, этномузыковедов) этническую специфику таких духовных видов социальных институтов, как институт семьи, институт праздника тюркских народов Волго-Каспийского бассейна. В статье раскрываются особенности функционирования музыкальных жанров в контексте свадебной и детской обрядности представителей тюркских этносов региона Волго-Каспия. Научная новизна заключается в выявлении как индивидуальных, так и общеэтнических музыкально-фольклорных феноменов в социальных институтах (институте семьи, институте праздника) тюркских народов каспийского региона. В результате исследования определено, что музыкальный фольклор тюркских народов, проживающих на территории Волго-Каспия с XVI века (татар-юртовцев, ногайцев-карагашей, казахов, туркмен), является мощным верификатором процессов, происходящих в рассматриваемых социальных институтах внутри этноса, этнической группы, а также процессов межэтнического взаимодействия народов, связанных между собой этногенетически либо объединенных региональным пространством на протяжении тысячелетий.

EN

The role of social institutions in the functioning of the musical stratum of the Turkic peoples of the Volga-Caspian region: the ethnocultural context

A. R. Usmanova

Abstract. The research aims to determine, based on scientific criteria from researchers in related disciplines (sociologists, historians, ethnomusicologists), the ethnic specificity of such spiritual types of social institutions as the institution of family and the institution of celebration among the Turkic peoples of the Volga-Caspian Basin. The paper explores the peculiarities of how musical genres function within the context of wedding and children's rituals among representatives of the Turkic ethnic groups in the Volga-Caspian region. The scientific novelty lies in identifying both individual and pan-ethnic musical and folklore phenomena within social institutions (the institution of family, the institution of celebration) of the Turkic peoples of the Caspian region. The findings indicate that the musical folklore of Turkic communities inhabiting the Volga-Caspian region since the 16th century – such as Yurt Tatars, the Karagash, Kazakhs and Turkmens – serves as a significant verifier of processes taking place within social institutions, both within individual ethnic groups and in the sphere of interethnic interaction. These processes include those rooted in shared ethnogenetic ties as well as those shaped by millennia of coexistence.

Введение

Формирование духовно-практического отношения человека к миру изначально происходит в социальном пространстве и неразрывно связано с социальными институтами, выступающими в качестве определенных маркеров в функционировании этнических культур, как результат длительного исторического развития. Через институциональные формы проявляются как своеобразные черты этноса / этнической группы, так и общие, сложившиеся в процессе историко-культурного развития и многовекового взаимодействия народов.

Актуальность исследования продиктована тем, что социальные институты (институт семьи, институт праздника), являясь неотъемлемой частью общества, закрепляют роль и статус этнических культур, способствуют передаче опыта духовно-нравственных традиций из поколения в поколение.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/pa20250078

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- раскрыть особенности обрядовой культуры института семьи тюркских народов Волго-Каспия;
- определить роль музыкального фольклора как социокультурного механизма в контексте этнической культуры;
- выявить традиционные и современные варианты обрядов жизненного цикла в контексте функционирования социальных институтов.

В работе использована комплексная методика, обусловленная проблематикой исследования: метод непосредственного полевого (экспедиционного) наблюдения, позволяющий собрать материалы и оценить их сохранность в активной традиции; метод историко-этнографической реконструкции, дающий возможность проследить развитие социальных институтов с точки зрения их значимости; комплексный подход, предполагающий разностороннее изучение обрядов и ритуалов этнических групп, населяющих регион Волго-Каспия.

Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, в которую вошли работы ученых-историков, социологов, освещающих проблемы и особенности социальных институтов (Бромлей, 1973; Ануфриева, 2010; Галактионова, 2013; Ерасов, 2000; Гречихин, 2020). В частности, определение музыкального фольклора в роли «социально-наследственного механизма трансляции культурного опыта» и отнесение его к отдельному социальному институту, связанному с процессами жизнедеятельности человека, и осознанием бытия через обрядовые и ритуальные формы принадлежит социологам (Ануфриева, 2012, с. 35).

В ходе исследования использовались работы российских и зарубежных этнографов (Геннеп, 1999; Илимбетова, Илимбетов, 2012; Традиции живая нить, 2006), этномузыковедов (Баязитова, 1992; Елеманова, 2010), посвященные особенностям обрядовых музыкальных жанров тюркских народов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сведения, содержащиеся в работе, дают возможность получить дополнительные знания на пути осмысления процессов, происходящих в духовных видах социальных институтов тюркского населения Волго-Каспийского региона.

Обсуждение и результаты

Ценности и традиции, нормы и правила наиболее полно раскрываются в таком социальном институте, как институт семьи с его основополагающими социально-значимыми функциями: а) жизненно-ситуативной (рождение, вступление в брак, смерть) и б) морально-этической, нравственной. Кроме них существенным функциональным потенциалом обладают еще две: коммуникативная и регулирующая нормы и правила в обществе (Гречихин, 2020, с. 136).

Институт семьи опирается на обрядовую культуру, отражающую как локальные характеристики, так и надэтническую специфику этноса с его жизненным укладом и формами общения (Бромлей, 1973, с. 134), а также суперэтнические признаки и характеристики, свойственные многим, в том числе неродственным, этносам.

В обрядовой культуре института семьи с утверждением социальной значимости и сменой статуса комплексную устойчивость демонстрируют свадебная обрядность, обряды и праздники, связанные с рождением ребенка, с возрастными инициациями, с первым шагом ребенка. В них аккумулируется опыт первичной этнической идентичности, реализуется интегративная функция, воплощается духовное триединство «Природа – Космос – Человек», в том числе через пласт музыкальных звуков и образов.

С институтом семьи неразрывно связан, как «часть организованной и предустановленной жизни общества» (Ерасов, 2000, с. 306), состоящий из собственных этапов и взаимосвязанных элементов институт праздника. Исследователь Н. А. Галактионова (2013) отмечает, что институт праздника вбирает в себя множество функций: регулятивную, интегративную, транслирующую, социализирующую, образовательную, воспитательную, охранительную, социокультурную, коммуникативную, игровую и прочие.

В традиции многих тюркских народов Волго-Каспия праздники нередко предваряются ритуалами с четко выраженными охранительными функциями. Так, празднику в честь окончания сорокадневья (сорока дней после рождения ребенка) предшествует обряд укладывания ребенка в колыбель, перед которым люльки окуривают серой с целью защиты от злых духов. В казахских, ногайских семьях обряд включает несколько смыслонесущих предметов: узду – с пожеланием быстрого роста и здоровья, чапан – с пожеланием вырасти человеком, уважаемым в народе, шубу – символ богатства, ногайку – неотъемлемый атрибут табунщика, наездника, защитника. В 90-е годы XX века автором статьи в экспедиции в с. Светлое был зафиксирован обряд, когда после укладывания младенца в колыбель две (преимущественно зрелого возраста) женщины символически садились на люльку как на коня спиной друг к другу, повторяя при этом: «*Бесігімиз тыныш болсын, атымыз жүйрік болсын*» («Пусть наша колыбель будет спокойной. Пусть наш конь будет быстрым») (перевод выполнен автором статьи. – *А. У.*). В казахских селах на деревянном креплении колыбели раскалённым железным прутом выжигали охранительные знаки в виде крестов или трех наклонных палочек. Данный ритуал сопровождался исполнением песен.

Один из перечисленных ранее неотъемлемых предметов, ногайка, фигурировал в песне табунщика, исполняемой при совершении обряда одним из старейшин. Сакральный культ лошади – неотъемлемого элемента кочевой жизни, присутствующего во многих песнях, – отражает религиозно-мифологические воззрения казахов.

Кроме культа лошади в переходных обрядах фигурируют еще несколько культовых персонажей, объединяющих верования тюркских народов, ведущих кочевой образ жизни. В обрядах, связанных с метаморфозами

и перевоплощениями, чаще встречаются культы волка и собаки. Собака в качестве одной из центральных фигур выступает в традиционных верованиях и обрядах казахов, ногайцев, туркмен, а также в обрядах чувашей, средневолжских татар, башкир, туркмен, якутов (Илимбетова, Илимбетов, 2012, с. 133). В частности, обряд «собачьей рубашки», *ит куйлек*, имеющий достаточно большую вариативность, заключался в следующем: по истечении сорокодневья в рубашку младенца заворачивали хлеб, далее эту рубашку привязывали к шее собаки. Через определенное время снятую с собаки рубашку пришивали под правый рукав рубахи отца младенца. Считалось, что данное действо отпугивает от ребенка злых духов.

В обрядности других (в том числе не только тюркского происхождения) народов, в частности у таджиков (в долине Зеравшана), «рубашку собаки» *курташ сагак* надевали на новорожденного (Кисляков, 1959, с. 51). Подобная общность может свидетельствовать об общности и близости мифологических представлений самых разных этносов Евразии, в верованиях которых собака фигурирует в качестве вместилища для души (Илимбетова, Илимбетов, 2012, с. 159).

Определенная роль в родильной обрядности отводится коммуникативной функции. Торжества, посвященные новорожденному, именуются «свадьбами», в которых термин *туй* (тат.), *той* (ног., казах.) – «свадьба» (перевод выполнен автором статьи. – А. У.) используется как константа праздника («свадьба малыша» *бэбэй туе*, «свадьба колыбели» *бишек туе* (юрт., караг.), *бесик той, бесикке салу* (казах.). Неразрывность ритуала и праздника демонстрирует общий для тюркских народов и этнических групп обряд имянаречения (*ат кушар* – тат., *ат таккар* – туркм.) и связанный с ним праздник колыбели (*бишек-туе* – юрт., *бэбэй туе* – тат., *бесик той* – казах., караг.).

В казахской традиции обряд *тыштыма*, являющийся основной частью «праздника колыбели» (*бесик той*) сопровождается пением соответствующих песен:

Алди-алди ак бопем,
Ак бесикке жат бопем,
Жылама бопем, жылама,
Жлек шагып берейен,
Ай, апагым, аппагым,
Коятн жуне калпагым,
Журт суймесе, суймесин,
Озем суйген аппагым,
Ай аймысын аймысын,
Шекермесн балмысын,
Шекерден де, балдан да тате,
Озем суйген жанымсын.

Перевод: *«Мой малыш лежит в колыбели, не плачь мой ребенок, ты слаще сахара, я тебя люблю»* (записано А. Р. Усмановой от Игизбаевой Аминь Ермухановны 1929 г. р. в с. Светлое Икрянинского района в 2006 году).

Заложенные культурные смыслы с укорененностью их мифологичности транслируются из поколения в поколение. В частности, в астраханских селах с преобладающим компонентом тюркского миропонимания в активной традиции сохраняются составные социальных институтов: обряды первого купания роженицы и младенца, обряд и праздник имянаречения. Единый комплекс составляют ритуал и праздник в честь обрезания мальчиков *суннэт туй* (татар.) *соннэт той* (ног.), *сеннет той (*туркм.), *сундет той* (казах). Обряд обрезания, пришедший из Древней Аравии, в которой был распространен как культ перехода мальчика из ранга младшего в ранг старшего, и восходящий корнями в домусульманские традиции, в настоящее время утвержден в сознании носителей традиции как религиозный. Это подтверждает мысль исламоведов С. Н. Абашина и В. О. Бобровникова о том, что «любое явление, которое сегодня считается и является мусульманским, имеет доисламские корни, но, войдя в ислам, неизбежно проходило стадию (стадии) “мусульманизации”» (2003, с. 9).

С домусульманскими традициями связан казахский обряд разрезания пут *тусау кесу*. Обряд состоял в следующем: на ноге ребенка пеструю веревку (белая, черная, красная) завязывали таким образом, чтобы она при перерезании могла держаться на каждой ноге независимо друг от друга. В монете проделывали отверстие и нанизывали на веревочку, которую привязывали к ножке ребенка. Между ног ставили хлеб с дырочкой, защищающий от нечистой силы, конфеты, сушеный творог. Перерезание пут сопровождалось фразой: «*Кашсан кутыл, кусан жет*» («Будет убегать – пусть его не догонят, будет преследовать – пусть догонит») (записано Р. З. Емельянцевой от Кабышевой Калмат Кайсалиевны 1927 г. р. в с. Рассвет Наримановского района в 2000 году).

Обряд сопровождался речитативными пожеланиями:

Бірінші тілек тілесем,
Жер таянып жатпасы.
Екінші тілек тлесем,
Жалгыздын артында калмасын

(записано Р. З. Емельянцевой от Бикмуханбетовой Марпуги Маженовны 1930 г. р. в с. Затон Камызякского района в 2000 году).

Перевод: *«Мое первое пожелание, чтобы ты встал на ножки, мое второе пожелание, не отставать от других»* (перевод выполнен автором статьи. – *А. У.*).

Функция культурной трансмиссии реализуется в комплексе свадебной обрядности с ее четкой системой статусов и ролей. В свадебных ритуалах и в связанных с ними кодексах поведения воплощаются ролевые

установки (Галактионова, 2013). Рождение новой семьи как социального института направлено, с одной стороны, на внутриэтническую сплоченность, на воспроизводство этноса, а с другой стороны, по А. ван Геннепу, на «изменение социальной категории» (1999, с. 115), которое влечет за собой перемену семьи, клана, деревни племени. При всей ускоряющейся секуляризации общества в современность проводятся ритуалы, имеющие символическое значение и функциональную принадлежность, коренящиеся в далеком прошлом. В качестве общеобязательных в активной традиции сохраняются семантически значимые: обряды сватовства, обряды, связанные с приглашением на свадьбу, дарообменом, мусульманским бракосочетанием.

Последовательность обрядов свадебного функционирования обнаруживает единство, продиктованное сакральностью знаний, локальными элементами:

1. Предсвадебные обряды отделения (по А. ван Геннепу (1999)): сватовство (*эйттеру* (тат.) / *айттырув* (ног., туркм.), *кудалык* (казах.) и *сырау*. (тат)), на котором с приходом сватов в дом невесты впервые происходит нарушение стабильности и возникновение оппозиции «свое – чужое»; сговор *кен кесу* (тат.), целью которого является уточнение сроков свадьбы, последовательности частей.

2. Промежуточные обряды: избрание почетной пригласительницы *эндэуче* (тат.), свадебное торжество с участием исключительно женщин (*хатыннар туе/тугыз туй* (тат., ног.-караг.)) и вечер угощения жениха *кияувсый* (татар.), *кода теьсер* (ног.-караг., туркм.). С промежуточными обрядами связан пласт свадебных величальных, шуточных, гостевых песен на «уличные» у*рам кий* (тат.) мотивы. В контексте обрядов они выполняют коммуникативную функцию сближения двух родов в момент их единения, стирая грань соблюдения официальных правил.

3. Обряды включения: свадебное торжество на стороне невесты *кияувсый/икон той*, на котором продолжается нарушение границ чужого пространства, и на стороне жениха, включающее два этапа: женскую свадьбу *хатыннар туе* с обрядом «открытия лица» *бит кюрем* и вечернюю, парную *парлы*. В юртовско-татарской и ногайско-карагашской традициях в функции обряда «открытия лица» включено вхождение невесты в социум жениха. Сестры жениха *жингэ* выводят невесту, у которой лицо закрыто *капталом* (покрывалом), и обходят по кругу всех родственников. У казахов *жинге* ставили невесту на белую шкуру барана и после поклонов и осыпания невесты монетами *шашу* открывали ей лицо.

Проводы невесты сопровождались плачами *кыз елату*, *сынсу, сынсув* матери невесты, самой невесты. В вербальном плане тексты плачей невесты содержат жалобные мотивы прощания с родным домом, обращения к отцу и матери с мягким упреком; плачи матери невесты – страх и неуверенность за судьбу дочери. Символизируя переходное состояние из одного статуса в другой, из одного состояние в другое, плачи в разных этнических традициях характеризуются общностью интонационного строя, лаконичностью изложения, экспрессией выражения.

Обрядовые плачи проникли и в инструментальную музыку. Так, в преддверии церемонии религиозного бракосочетания *никах* (казах. – *неке кыю*, караг. – *никях кыйдеру*, туркм. – *никох*), с его семантическим значением признания в глазах социума легитимности обряда (брака), а также с закреплением нового социального статуса (Ерназаров, 2003, с. 57), свадебные плачи входили в репертуар саратовской гармоники. Об этом свидетельствуют сами названия наигрышей: *«Никах сазы»*, *«Никах елау»*. Татарский этнолингвист Ф. С. Баязитова отмечала в традиции средневолжских татар, что «когда играли мелодию никаха, если даже не захочешь, все равно заплачешь» (1992, с. 134). В данном случае плачи, как вокальные, так и инструментальные, в казахской, ногайской, татарской свадебной обрядности производят эффект эмоциональной разрядки. Мысль казахского этномузыковеда С. Елемановой о том, что «казахская народная инструментальная музыка в сильнейшей степени испытала воздействие обрядовых плачей» (2010, с. 86), в данном контексте вписывается относительно свадебных наигрышей татарской и ногайской традиций.

Плач в контексте свадебной обрядовой культуры выступает как социокультурный механизм со своим прочным статусом. Именно этим можно объяснить общий для многих этносов музыкальный жанр свадебной песни *Яр-Яр* (юрт, тат.; карагаш.,), *Ёр-Ёр* (турк, тадж, узбек.), *Жар-Жар* (казах.), *Йер-Йер* (башк.).

С психофизиологической реакцией на происходящее связан свадебный песенный жанр «открытия лица» *Бет ашар* (в контексте одноименного ритуала), также объединяющий традиции многих тюркских этносов. В казахской традиции, как и песни *Жар-Жар*, песни открытия лица *Бет ашар* неразрывно связаны с плачами (Елеманова, 2010, с. 87). Данный тезис находит подтверждение в фольклорных образцах вариантов напевов жанра, зафиксированных от информантов в казахских селах в сопровождении домбры. В них плачевые интонации акцентируются мелодическими восходящими секундовыми оборотами от пятой ступени гемитонного звукоряда минорного наклонения с чередованием характерных черт речевых интонаций.

Функционально связанными с обрядовыми действами являются в традиции юртовских татар, ногайцев-карагашей, туркмен противоположные плачам, жизнеутверждающие музыкальные благопожелания и такмаки. Песни-пожелания, исполняемые в сопровождении саратовской гармоники и бубна, создают живую атмосферу знакомства роднящихся семей:

Жырлык эле, жырлык эле,
Жырламы тормыек эле.
Зэнгэр чэчэк яшь гомерне,
Бушка уздырмыек эле

(записано А. Р. Усмановой от Умеровой Майсары Хакимовны в с. Три Протока Приволжского района в 1998 г.).

Перевод: *«Споемте, споемте, не будем сидеть без песни. Жизнь, похожую на цветок, не будем тратить попусту»* (перевод выполнен автором статьи. – *А. У.*).

Песенные такмаки выполняют в свадебном ритуале функцию знакомства и сближения: устанавливается шуточная атмосфера, ситуация игры, помогающая сближению пока еще не родственных между собой хозяев и гостей. Такмаки сопровождают приход сватов, ритуалы угощения, являются неотъемлемой частью народной хореографии:

Икэу бергэ утыргансыз,
Икэу булсын уегыз.
Икегез дэ пар килгэнсе,
Тогыз гомер итегез

(записано А. Р. Усмановой от Мухаметжановой Равзы Искаковны в г. Астрахань в 1999 г.)!

Перевод: «Вместе вы сидите, пусть будет одна мысль на двоих. Вместе – вы пара, вместе проживите жизнь (перевод выполнен автором статьи. – *А. У.*)

В туркменской традиции благопожелание *багушлык*, представляющее собой музыкально-оформленные напоминания о бренности и скоротечности земной жизни, звучали под аккомпанемент домбры. Их вербальные тексты демонстрируют общность с казахскими лирическими песнями *той жыры*, также исполнявшимися как на стороне невесты, так и на стороне жениха на свадебных пирах. В частности, в них повествуется об ушедших в мир иной старших родственниках, которые не увидят свадьбы своих внуков, детей, родственников; о пожелании семейного счастья молодоженам. Объединяющим фактором выступает умеренный темп исполнения, возможность аккомпанирования на домбре.

Заключение

Актуализация этнической проблематики с динамикой процессов жизни общества вновь приобретает остроту в связи с изменениями в глобальном смысле: с разными мировыми событиями, в том числе и с изоляцией в периоды карантина. И именно традиционная система социальных институтов с ее направленностью на сохранение этнической идентификации, консервацию своей этнокультурной специфики, на укрепление ресурсности семьи в данном случае выступает в качестве концепта, оппозиционного глобальным изменениям.

Корпус обрядов института семьи тюркских народов Волго-Каспия демонстрируют следующее: 1. Степень близости и качество взаимосвязей обрядовых культур и музыкального фольклора тюркоязычных групп региона свидетельствует об их многовековом контактировании и взаимодействии. 2. Обрядовая культура каждой из этногрупп при активном взаимодействии сохраняет этнические особенности своей культуры.

Музыкальный фольклор как отдельный социокультурный механизм, институт в контексте этнической культуры раскрывает закономерности межэтнических связей, бытования универсальных музыкальных жанров и феноменов, демонстрирует как общеэтнические, так и надэтнические свойства и характеристики.

Аккумулируя опыт предшествующих веков и являясь его транслятором и устойчивым верификатором, музыкальный фольклор выступает неотъемлемой частью и базисом жизненно-важных духовных видов социальных институтов. С одной стороны, он закрепляет заложенный в институтах семьи и праздника духовно-практический потенциал обрядов, традиций, ритуалов. С другой – в качестве непосредственного участника основных периодов жизнедеятельности человека он является выразителем ритуальных и обрядовых форм каждого этноса.

Перспективы данного исследования связаны с воссозданием общей картины всех духовных видов социальных институтов тюркских народов Нижнего Поволжья и локальных и общерегиональных черт музыки устной традиции в их контексте.

Источники | References

1. Абашин С. Н., Бобровников В. О. Соблазны культа святых // Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе: сборник статей / сост. С. Н. Абашин, В. О. Бобровников. М.: Вост. лит-ра, 2003.
2. Ануфриева Н. И. Музыкальная культура в структуре социального пространства // Наука и современность. 2010. № 1-3.
3. Ануфриева Н. И. Феномен народной художественной культуры в профессиональной подготовке современного музыканта: автореф. … д. пед. н. СПб., 2012.
4. Баязитова Ф. С. Традиционные обряды астраханских татар на фоне диалектного языка // Астраханские татары / отв. ред. Н. А. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992.
5. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1973.
6. Галактионова Н. А. Праздник как социальный институт // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 5 (25).
7. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999.
8. Гречихин В. Г. Социальные институты в современной России // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2.
9. Елеманова С. Обрядовые плачи и их народно-профессиональные дубли в казахской традиционной музыкальной культуре // Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Серия филологическая. 2010. № 2.

10. Ерасов Б. С. Социальная культурология. М.: Аспект-Пресс, 2000.
11. Ерназаров Ж. Т. Семейная обрядность казахов: символ и ритуал: монография. Алматы: ЗКО Центр истории и археологии, 2003.
12. Илимбетова А. Ф., Илимбетов Ф. Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. Уфа: АН РБ; Гилем, 2012.
13. Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
14. Традиции живая нить: сборник краеведческих материалов. Астрахань, ОМЦНК, 2006. Вып. 12.

Информация об авторах | Author information

RU

Усманова Аделия Рустямовна[1], к. иск.
[1] Астраханская государственная консерватория

EN

Adeliya Rustyamovna Usmanova[1], PhD
[1] Astrakhan State Conservatory

[1] *adeliakult@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.08.2025; опубликовано online (published online): 12.11.2025.

Ключевые слова (keywords): институт семьи; тюркские народы; обряд открытия лица; свадебные плачи; культ собаки; family institution; Turkic peoples; unveiling ceremony; wedding laments; dog cult.